

Бартош Цихоцки

Сегодняшние дилеммы будущей восточной политики Европейского Союза

Политика Европейского Союза в отношении западных членов Содружества Независимых Государств — основанная на представлении о возможности их постепенной адаптации к нормам и стандартам ЕС — в настоящий момент находится на стадии коренного переосмысления. Брюссель, как представляется, окончательно утратил веру в то, что Россия, Украина, Молдова и Беларусь когда-нибудь выполнят условия, содержащиеся в Соглашениях о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанных с этими государствами в 1990-е гг. Данные Соглашения налагали на государства-нечлены не только общие обязательства по уважению основных прав человека, строительству институтов демократии и свободного рынка, но также непосредственно требовали приведения в соответствие с европейскими нормами определенных сфер законодательства. Реализация договоров восточными партнерами являлась обязательным условием для выделения финансовой помощи со стороны ЕС и для принятия решения о начале интеграции в отдельных областях, например, в рамках Общего европейского экономического пространства (ОЕЭП). Однако довольно быстро выяснилось, что западные члены СНГ рассматривают Соглашения слишком инструментально или в силу объективных причин не в состоянии выполнить оговоренные в них условия.

В случае с Беларусью СПС, подписанный в марте 1995 г., так и не смог вступить в силу по причине сознательного отхода Минска от демократических принципов политической жизни и рыночной экономики. В связи с этим Брюссель в течение последних нескольких лет последовательно уклоняется от ведения диалога с Александром Лукашенко. В определенном

смысле аналогичная ситуация наблюдалась в течение продолжительного времени и в отношениях ЕС и Молдовы — развитие сотрудничества между двумя сторонами сдерживалось из-за внутренней разделенности этого государства, которую Кишинев не мог и сейчас не может преодолеть самостоятельно. Что касается отношений ЕС и Украины, то здесь царит взаимное разочарование — обе стороны упрекают друг друга в несоблюдении принятых на себя обязательств. Однако, независимо от того, кто прав, а кто виноват, фактом является то, что взаимные контакты Брюсселя и Киева — формально подпадающие под определение интенсивного сотрудничества — до сих пор не принесли заметных результатов. Климат отношений Москвы и Брюсселя в течение прошедшего десятилетия носил изменчивый характер. Во-первых, не обошлось без временных, но довольно серьезных кризисов в отношениях — таких, как во время первой чеченской войны (1994-1996)¹. Во-вторых, администрация Бориса Ельцина — привыкшая к двусторонним отношениям с европейскими партнерами — не усматривала особой необходимости в установлении тесных контактов с Брюсселем. Тем более в Москве отсутствовало осознание необходимости внедрения в жизнь чуждых для России политических, правовых и экономических образцов. Ситуация начала меняться, когда к власти в России в начале 2000 г. пришел Владимир Путин. Реализация сформировавшейся в его окружении идеи экономической (главным образом сырьевой) экспансии на европейские рынки и осознание инвестиционного голода в российской экономике склонили В. Путина к пересмотру принципов внешней политики России. В сотрудничестве с ЕС в настоящий момент Россия заинтересована гораздо больше, чем Запад. Это, однако, не означает, что она хоть сколько-нибудь готова к принятию западных образцов или принципов. Наоборот, это Россия пробует адаптировать ЕС к собственным условиям, требуя от Брюсселя права на участие в принятии решений внутри Союза. Москва весьма охотно ведет переговоры с ЕС о развитии сотрудничества в сфере безопасности, прекрасно отдавая себе отчет в том, что на нынешнем этапе формирования Общей европейской политики безопасности и обороны (ОЕБО) все обязательства носят формальный характер. Стратегически важным для обеих сторон полем диалога является энергетика, но именно здесь

¹ Первая чеченская война стала причиной замораживания реализации подписанного в июне 1994 г. Соглашения на более чем три года.

наиболее ярко проявляются описанные выше слабые стороны политики адаптации. Во-первых, Россия решительно отказывает западным компаниям в доступе к энергетической инфраструктуре, и в первую очередь, к добыче сырья и к участию в сети распределения, пренебрегая тем самым принципом равных рыночных прав. Во-вторых, Москва не желает отказываться от практики установления двойных цен на энергоносители: низких для внутренних потребителей, высоких — для внешних. После начального этапа надежд сегодня уже отчетливо видно, что и в сфере свободы слова и соблюдения прав человека вектор развития ситуации в России носит явно неблагоприятный и, что хуже, долговременный характер.

Очевидно, что до сих пор политика ЕС в отношении западных членов СНГ была виртуальной. Брюссель оставлял им выбор пути развития, оговариваясь, что поддержит только тот путь, который ведет к демократии и свободному рынку. Трудно, однако, сказать, предусматривал ли вообще Евросоюз возможность осуществления такого выбора в Беларуси, Украине, России и Молдове. При всей суровости отношения к небрежностям, допущенных руководством этих государств, — многое указывает на то, что РСА в значительной мере изначально были сформулированы таким образом, чтобы не допустить чрезмерного финансового и политического ангажирования ЕС на Востоке (концепция ОЕЭП служит хорошим тому примером).

Такая ситуация была приемлемой до тех пор, пока Россию, Беларусь, Украину и Молдову отделяли от пространства Евросоюза страны-кандидаты на вступление в ЕС, то есть до тех пор, пока проблема демократии в Беларуси или стабильности Украины являлись внутренними проблемами этих государств или, по крайней мере, региона, непосредственно их окружающего. Однако уже в 1995 г. — вслед за вступлением в ЕС Финляндии — Россия вплотную приблизилась к границам с ЕС, разделив с ним 1300 км границы. Это вызвало — впрочем, не сразу — изменения в восточной политике Евросоюза. В 1998 г. Брюссель развернул предложенную годом раньше Финляндией программу «Северное измерение» в отношениях ЕС с государствами региона Балтийского и Баренцева морей, охватывающего также северо-западные территории России. В июне 1999 г. ЕС одобрил первую «Общую стратегию» отношений с государством, не входящим в его состав, — Россией².

² www.europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/com_strat/russia_99.pdf

Вступление в ЕС двенадцати новых членов (учитывая Болгарию и Румынию) и увеличение общей границы с западными членами СНГ на тысячи километров требует более кардинального пересмотра политики в отношении региона, не входящего в ЕС.

Дело в том, что адаптационная философия не позволяет Брюсселю проводить эффективную политику в отношении западных стран-членов СНГ. Ее приверженцы обрекают себя либо на пассивность, когда ситуация на Востоке развивается в нежелательном направлении, либо на отступление от собственных принципов, когда это признается необходимым по экономическим или политическим соображениям. Отсутствие прогресса в деле преобразования того или иного государства в соответствии с требованиями ЕС в Брюсселе рассматривается как повод для приостановления помощи, замораживания деятельности совместных институтов и других элементов партнерства. Примером того, как такая позиция может оборачиваться против самого Евросоюза, может служить Беларусь — государство, которое в начале 1990-х гг. развивало демократические структуры, а сегодня — после серии обвинений в экспорте оружия в страны, на которые распространяется действие международного эмбарго, — провозглашается одним из отсутствующих звеньев «оси зла». Подобным образом выглядит и ситуация с Молдовой — несмотря на наличие формальных признаков сотрудничества, Евросоюз лишь пассивно наблюдает за развитием внутреннего кризиса в этом государстве, в то время как последствия существования на его территории сепаратистского Приднестровья, поддерживающего торговлю оружием, наркотиками и контрабанду людей, бьют по Западной Европе.

Адаптационная философия, однако, не просто неэффективна — она носит лишь мнимый характер в отношении с главным партнером ЕС на Востоке, Россией. Несмотря на декларируемые критерии сотрудничества, Евросоюз в течение последних нескольких лет интенсивно развивает политический и экономический диалог с этим государством, игнорируя жестокую реальность. А реальность такова, что Россия не отвечает основным критериям демократического государства (Чечня, ограничение свободы слова, манипуляции в ходе выборов) и свободного рынка (демпинг в металлургической отрасли, двойные цены в энергетической сфере, огромная зона теневой экономики). Хуже того, многое указывает на то, что

данная ситуация в эпоху правления Владимира Путина будет носить структурный характер.

Расширяющемуся Европейскому Союзу необходимы новые принципы восточной политики. Парадигма адаптации исчерпала себя, ибо западные члены СНГ либо не хотят (Россия, Беларусь), либо не в состоянии (Украина, Молдова) приспособиться. Увязывание ЕС сотрудничества с этими государствами с успехом их усилий по демократизации политической жизни и либерализации экономики может давать результаты, совершенно обратные ожидаемым (Беларусь, Молдова). Кроме того, непоследовательно претворяемая в жизнь адаптационная философия приводит к тому, что политика ЕС в отношении западных стран-членов СНГ во все большей степени становится политикой ЕС в отношении России. Москва начала опасно доминировать в восточной оптике Евросоюза.

Тем более должны радовать попытки по-новому сформулировать принципы европейской восточной политики, принятые в последнее время отдельными членами Евросоюза и недавно присоединившимися к нему странами. На протяжении последних двенадцати месяцев возникло несколько концепций восточной политики Европейского Союза. Великобритания и Швеция представили в апреле 2002 г. инициативу «Новые соседи»³, Еврокомиссия — в марте 2003 г. — коммюнике «Расширенная Европа»⁴. Свои предложения представили также некоторые государства Центральной Европы в начале 2003 г. в форме *non-paper*⁵. На этих проектах следует остановиться подробнее, учитывая необычайную активность ведущейся сегодня работы над окончательной формой рассматриваемой политики.

Инициатива «Новые соседи» (*New Neighbours Initiative*) обращает на себя внимание прежде всего спектром своих географических интересов. Она нацелена в основном на Беларусь, Украину и Молдову в обход России. В планы авторов

³ Официальные коммюнике по результатам очередных заседаний Совета по общим вопросам и внешним сношениям ЕС в общих чертах представляют эту идею (ср. www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/intro/gac.htm), полного текста Инициативы в открытом доступе нет.

⁴ www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf

⁵ Суть предложения польского МИДа в январе 2003 г. см.: Европа. — 2003. — Т. 3. — № 1 (6). — С. 129—143. В свою очередь, аналогичный документ чешского МИДа труднодоступен — до такой степени, что сложно даже установить дату его написания.

Инициативы, однако, не входило отодвижение России на второй план в восточной политике ЕС. Как явствует из названия, они стремились просто привлечь особое внимание Брюсселя к государствам, которые до сих пор не являлись соседями Евросоюза — в отличие от России, которая с 1995 г. благодаря общей границе с Финляндией соседствует также с ЕС и в отношении которой европейская политика уже сложилась. Позицию авторов Инициативы по этому вопросу проясняет замечание о ключевой роли России в отношениях ЕС с Востоком⁶. Тем не менее, географическая направленность Инициативы вызвала неоднозначную реакцию как внутри Евросоюза, так и среди государств, вступивших в ЕС (ср., в частности, *non-papers* Польши и Чехии). На основании наблюдений за ходом работы Еврокомиссии и действий Высокого представителя, Генерального секретаря Совета Хавьера Соланы можно сделать вывод, что концепция «Расширенная Европа» предпочтена Инициативе «Новые соседи». Среди различий между ними следует назвать все тот же географический аспект обоих проектов. Концепция «Расширенная Европа» охватывает все примыкающие к ЕС государства, не входящие в его состав: от Марокко до России, включая Молдову, Украину и Беларусь, но без Турции, Болгарии, Румынии и западных Балкан (поскольку у этих государств есть перспектива вступления в ЕС).

Концепцию «Расширенная Европа» отличает также новое обоснование необходимости выработки Евросоюзом политики в отношении соседей, не входящих в его состав. Таким обоснованием в проекте «Расширенная Европа» является не возвышенная идея адаптации — преобразования окружающего мира по западноевропейскому образцу, а принцип взаимозависимости (в первую очередь экономической, но не только) территорий по обе стороны границы расширенного Евросоюза. Такое обоснование должно способствовать поиску союзников внутри ЕС для реализации идей концепции «Расширенная Европа» и помочь сломить сопротивление тех государств-членов ЕС, которые выступают против активных действий со стороны Евросоюза, считая, что расширение, внутренняя реформа и уже предпринятые усилия по развитию отношений с соседями на юге (Meda) и востоке (Tacis, Северное измерение) исчерпали его финансово-организационные воз-

⁶ Пресс-релиз из работ GAERC от 18.11.02, пункт 4: www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/intro/gac.htm#we181102

возможности по крайней мере на ближайшие 5-10 лет. Необходимости обоснования формирования восточной политики ЕС не заметили, к сожалению, также авторы *non-papers* из Центральной Европы.

В отличие от парадигмы адаптации, парадигма взаимозависимости допускает возможность серьезного ухудшения ситуации за границами расширенного Евросоюза — ухудшения, которое может нести угрозу экономической или политической стабильности в самом ЕС. Парадигма взаимозависимости в большей степени концентрируется на той пользе, которую может извлечь из внешней политики Евросоюз, а не страны-адресаты этой политики. Это, несомненно, более здравый подход к проблеме, ибо он лишен иллюзий. К сожалению, авторы концепции «Расширенная Европа» непоследовательны в применении этого подхода. По отношению к Беларуси по-прежнему в качестве условия сотрудничества формулируется требование возвращения государства на демократический путь развития. В то же время, возможное ухудшение внутренней ситуации в Беларуси, как и ряд международных явлений, касающихся также этого государства (напр., нелегальная миграция из стран Центральной Азии в Западную Европу), могут уже в самое ближайшее время доставить Брюсселю гораздо больше поводов для беспокойства.

Принятые в Брюсселе в начале июля решения⁷ свидетельствуют о том, что у концепции «Расширенная Европа» есть все шансы стать основой восточной политики расширенного ЕС, несмотря на звучавшие ранее критические замечания, особенно со стороны Высокого Представителя, Секретаря Совета Хавьера Соланы, которому осенью прошлого года также была поручена разработка концепции восточной политики ЕС. Возражения были вызваны объединением в рамках одной программы столь разнородных регионов, как Магриб, Южная

⁷ 1 июля Еврокомиссия обнародовала коммюнике *Paving the way for a New Neighbourhood Instrument*, содержащее конкретные предложения по увеличению финансирования и реформированию программ, ориентированных на сотрудничество с восточными и средиземноморскими регионами, граничащими с расширенным Евросоюзом (Phare CBC, Interreg, Tacis CBC, CARDS, Meda). 9 июля была создана *Wider Europe Task Force*, ответственная перед комиссаром Гюнтером Ферхойгеном за дальнейшее развитие концепции «Расширенная Европа» и подготовку плана действий для отдельных соседей ЕС. Новое подразделение возглавил Майкл Ли, заместитель Комиссара Криса Паттена. Заместителем самого Ли стал высокопоставленный чиновник из Генеральной дирекции по вопросам расширения ЕС.

и Восточная Европа. Кроме того, исключение Украины из числа возможных кандидатов на вступление в ЕС в среднесрочной перспективе вызвало возражения со стороны некоторых новых членов Евросоюза — прежде всего Польши.

Будущие члены ЕС из Центральной Европы по вполне понятным причинам рассматривают независимость Беларуси и Украины как одну из опор собственной безопасности. Их независимое развитие и дружественные отношения с Западной Европой с точки зрения Вильнюса, Таллина, Риги или Варшавы стоят того, чтобы отказаться от высоких ожиданий и выполнения условий сотрудничества. Тем более, что уровень ожиданий в бывших коммунистических государствах относительно соответствия Беларуси, Украины или Молдовы демократическим, рыночным и общественным критериям намного ниже, чем на западе Европы. В то же время общества недавних сателлитов или республик СССР гораздо более чувствительны к практике двойных стандартов, применяемой Брюсселем в отношении России и других представителей западного пространства СНГ. Поэтому не стоит удивляться тому, что — хоть и чрезвычайно осторожно — Варшава и Прага высказались в своих концепциях за большую открытость по отношению к Беларуси. Ожидание же социального переворота в Беларуси обрекает ЕС, возможно, на несколько очередных лет застоя в отношениях Брюссель-Минск. Тем временем процесс российско-белорусской интеграции может иметь неблагоприятные последствия для расширенного Евросоюза, и в первую очередь для региона Центральной Европы. Давление ЕС на Москву с тем, чтобы та использовала свое влияние на Лукашенко и заставила его вернуться к правовому государству, представляется предельно наивным. Во-первых, Россия эпохи Владимира Путина вряд ли способна распространять демократию за пределы собственной территории. Во-вторых, любое сближение Беларуси и расширенного ЕС с точки зрения Москвы может рассматриваться только как угроза российским интересам. Таким образом, Евросоюз собственными силами должен начать диалог с белорусской элитой, а точнее, с окружением Лукашенко. Ибо именно в этой среде следует искать политическую силу, способную составить конкуренцию нынешнему президенту (одним из сигналов этого может служить недавно созданная парламентская фракция «Рес-

публика»⁸), а не в кругу внутренне рассорившейся национальной оппозиции. Поле для диалога могут стать разнообразные институты, как формальные, так и неформальные. Таким полем для диалога должны в первую очередь стать технические вопросы: управление границей, борьба с нелегальной миграцией, контрабандой, организованной преступностью. Отсутствие сотрудничества в этих областях уже сегодня несет угрозу для государств-кандидатов и членов Евросоюза. Политические проблемы пока что могут обсуждаться только на низшем уровне и скорее на многосторонней основе, где собеседниками представителей официальной администрации Беларуси будут не представители ЕС как таковой, а отдельных европейских стран. Не следует пренебрегать и комплексом изоляции, распространенным в аппарате власти Беларуси. Так же, как в свое время советские руководители, официальные лица из Минска желают быть принятыми в европейских салонах, ездить по Европе, участвовать в международной политической и светской жизни. До тех пор, пока у них нет возможности реализовать эти стремления, они поневоле остаются лояльными по отношению к своему президенту. Если предположить, что возможность прихода к власти в Беларуси альтернативных Лукашенко и одновременно склонных к сотрудничеству с Западом сил является реальной, то с усилением присутствия ЕС в этой стране не стоит медлить.

Существует, однако, также возможность опосредованной поддержки перемен в Беларуси. Белорусские элиты пристально следят за ходом диалога между ЕС и Украиной. Сближение между Брюсселем и Киевом (хотя бы интенсификация встреч на высшем уровне по образцу саммитов ЕС-Россия, а также публичные высказывания о возможности вступления Украины в ЕС, пусть даже в отдаленной перспективе, установление конкретных сроков интеграции в отдельных сферах экономики, в области юстиции и внутренних дел) может стать своеобразным катализатором перемен в Беларуси. Впрочем, сотрудничество с Украиной следует развивать не только на пользу отношений ЕС-Беларусь. Опыт создания военного контингента для польской стабилизационной зоны в Ираке наглядно продемонстрировал, сколь существенным может быть вклад Киева в ОЕБО (на Евфрат направлена бригада

⁸ R. Sadowski, *Wybory lokalne - walkower opozycji?* // „Tydzień na Wschodzie” nr 301 (6.03.03), Ośrodek Studiów Wschodnich.

украинских солдат, состоящая из более полутора тысяч человек). Другим важным совместным проектом ЕС и Украины может стать нефтепровод Одесса-Броды-Плоцк — при условии, что по нему на Запад потечет каспийская, альтернативная российской, нефть⁹. Наконец, в случае с Украиной не стоит оставлять надежду на приведение этого государства в соответствие с западными нормами (не обязательно нормами ЕС). Причина большинства разочарований Брюсселя по поводу реального применения принимаемых Украиной «адаптационных» законов кроется в том, что перед украинскими властями были поставлены слишком высокие цели, а те охотно согласились их реализовывать, как только услышали, что это открывает путь интеграции с ЕС. В деле сотрудничества с Украиной следовало бы определить цели на ближайшую перспективу и к тому же совершенно конкретные. Меньший масштаб обязательств принесет более высокий уровень реализации. Здесь вновь примером может послужить создание международного военного контингента, а также сотрудничество польских и украинских пограничных служб.

В контексте проблематики границ открытость ЕС к сотрудничеству с Минском и интенсификация сотрудничества с Киевом является насущной необходимостью. Беларусь и Украина разделят с объединенной Европой около 1900 км границы, а после вступления в ЕС Румынии — 2400 км. Сегодня именно через Украину проходит один из важнейших коридоров переброски нелегальных иммигрантов из Центральной Азии в Западную Европу. Борьба с этим явлением невозможна без выделения солидных финансовых средств на модернизацию и профессиональную переподготовку пограничных войск Украины (преобразуемых сегодня в полицейскую структуру по образцу польских пограничных служб). Здесь уместно вспомнить об опыте польско-немецкого сотрудничества в первой половине 1990-х гг. Тогда Берлин решился на широкую поддержку польской пограничной службы, в результате чего сегодня миграционная угроза на польско-германской границе существенно ниже, чем аналогичная угроза на границе германско-чешской (на чешские пограничные службы немецкая программа поддержки не распростра-

⁹ О конфликте интересов вокруг поставок и источника нефти для будущей магистрали см.: A. Górska, *Odessa-Brody czy Brody-Odessa?* // „Tydzień na wschodzie” nr 318 (7.08.03), s. 3-6. Ośrodek Studiów Wschodnich.

нялась). Заложенный в «Договор о вступлении в ЕС» от 16 апреля 2003 г.¹⁰ и разрабатываемый Брюсселем в настоящий момент проект Шенгенского фонда (*Schengen Facility*) должен, таким образом, предусматривать финансирование курсов повышения квалификации, закупку оборудования и т. д. в государствах, не входящих в ЕС, а не только в новых его членах. Граница Беларуси с Литвой, Латвией и Польшей характеризуется как риском контрабанды в огромном масштабе, так и миграционной угрозой. Борьба с этими явлениями требует привлечения средств ЕС также по белорусскую сторону границы.

Сотрудничество с Беларусью и Украиной в сфере управления границей позволит, будем надеяться, преодолеть целый ряд стереотипов и выработать устойчивые институциональные контакты, которые принесут свои плоды в будущем (в этом случае речь идет о Беларуси) также в экономической и политической сфере. Борьба с контрабандой и нелегальной миграцией должна, таким образом, рассматриваться как своеобразный тест во взаимных контактах.

После вступления в ЕС Румынии подобные шаги следует незамедлительно предпринять в отношении Молдовы¹¹, не дожидаясь решения приднестровской проблемы. Наоборот, тесное сотрудничество ЕС и Молдовы в сфере охраны границ и борьбы с отмыванием грязных денег может стать эффективным инструментом для преодоления внутреннего кризиса в государстве. Существование сепаратистского Приднестровья будет поставлено под вопрос после того, как будут отрезаны каналы торговли оружием, наркотиками, контрабанды товаров и людей. Двустороннее доверие, которое станет результатом такого сотрудничества, принесет свои плоды также в других областях диалога.

Перечень конкретных сфер сотрудничества расширенного ЕС с Украиной, Беларусью и Молдовой можно продолжать до бесконечности. В представленных размышлениях сознательно

¹⁰ См. статья 35 Договора: www.europa.eu.int/comm/enlargement/negotiations/treaty_of_accession_2003/index.htm

¹¹ Принятое недавно решение Еврокомиссии о выделении помощи в размере 25 млн. евро (www.europa.eu.int/comm/external_relations/moldova/intro/ip03_1036.htm) предстает в этом контексте как добрый, но все еще недостаточный, знак. Брюссель несомненно должен обратить пристальное внимание на ставший предметом горячих дискуссий в Молдове проект направления миротворческих сил ЕС в Приднестровье.

не анализировались, например, перспективы экономического сотрудничества (кроме проекта нефтепровода Одесса-Броды-Плоцк). Гораздо более важным представляется осознание того, что отношения ЕС с Украиной в первую очередь, но также в определенной мере и с Беларусей и Молдовой, должны развиваться с той же степенью интенсивности, что и отношения ЕС и России. Ни в коем случае не следует здесь усматривать геополитический подход в стиле «большой шахматной доски» Збигнева Бжезинского. При современной форме отношений ЕС и Восточной Европы Брюссель просто уступает Москве всякую инициативу в отношении Минска, Кишинева и даже Киева. Достаточно взглянуть на новейшие российские инициативы в отношении Украины: предложения о создании единого экономического пространства, действия по повышению статуса Украины в рамках СНГ (Леонид Кучма под давлением Москвы был, напр., избран председателем Совета глав государств СНГ на 2003 год). Разумеется, маловероятно, что Кучма пойдет по стопам Лукашенко и выберет интеграцию с Россией вместо интеграции с Западной Европой, но не лишено оснований предположение, что ЕС примет российские правила игры на международной политической арене, предполагающие разделение континента на сферы исключительного влияния. В интересах Евросоюза, чтобы сферы влияния на территории Центральной и Восточной Европы перестали существовать, чтобы Беларусь, Украина и Молдова могли развиваться самостоятельно и независимо.

При столь существенных диспропорциях внутреннего валового дохода брутто, какие существуют между государствами ЕС и Россией, Брюсселю не стоит опасаться негативной реакции Москвы на интенсификацию европейской политики в отношении Беларуси, Украины и Молдовы. Москва просто не может себе позволить открыто конфликтовать с ЕС. С другой стороны, не следует думать, что Россия спокойно будет наблюдать за возможным сближением этих государств с Евросоюзом. Россия претендует на роль независимого интеграционного центра на евроазиатском пространстве и, обоснованно или нет, считает, что западные страны-члены СНГ входят в ее сферу влияния и имеют принципиальное значение для ее собственной безопасности.

Если ЕС займет активную позицию и перехватит у России инициативу в отношении западного региона СНГ, то это позволит Брюсселю гораздо более эффективно преобразо-

вывать его в соответствии с собственными представлениями. Возможно, удастся качественно изменить адаптационные процессы на Украине, инициировать процесс демократизации в Беларуси и преодолеть внутренний кризис в Молдове. Эти государства требуют особой восточной политики ЕС. В то же время нынешнее состояние России не внушает серьезных опасений. Благоприятная конъюнктура на рынке энергоносителей, медленный, но последовательный курс на экономические и административные реформы позволяют положительно оценивать перспективу внутренней стабильности России. Демографический кризис, нарушение прав человека и ограничение свободы слова в России хотя и заслуживают внимания со стороны Брюсселя, однако не требуют создания в ЕС особой политики.

С польского перевела О. Остапчук
(перевод неавторизованный)